

БЛОК И В. А. ЩЕГОЛЕВА

Сообщение Е. Ю. Литвина и С. С. Гречишкина

Валентина Андреевна *Щеголева* (Богуславская) (1878—1931) — актриса, жена историка и пушкиниста П. Е. Щеголева.

Знакомство Блока и В. А. Щеголевой состоялось в конце 1906 г. в Театре В. Ф. Комиссаржевской, где тогда играла В. А. Щеголева (III, 557).

Блок посвятил ей три стихотворения: «Все помнит о весле вздыхающем...» (1908), «Черный ворон в сумраке снежном...» и «Знаю я твое ластивое имя...» (1910).

Более подробные сведения о создании Блоком этих стихотворений и характеристика В. А. Щеголевой содержатся в воспоминаниях Надежды Григорьевны Чулковой (ГБЛ, ф. 371, к. 6, № 1). Ниже приводятся отрывки из этих воспоминаний.

«(...) Блок часто уходил бродить за город. Любил кататься на лодке — один или с кем-нибудь из друзей.

Одважды в такую прогулку Блок увлек пелую маленькую компанию: Валентину Андреевну Щеголеву, актрису Художественного театра Кореневу и Г. И. Чулкова. (В это время в Петербурге давались спектакли Московского Художественного театра). Это было в начале мая 1908 года. Уехав с утра на взморье, они вернулись только на другой день к обеду. (...)»

Эта прогулка отразилась в стихах Блока «Все помнит о весле вздыхающем мое блаженное плечо...» Стихотворение это посвящено было Валентине Андреевне Щеголевой. Это первое из его «Трех посланий В. Щ.».

Второе тоже относится к ней, где говорится о катанье в «снежном сумраке», — приводим это стихотворение:

Черный ворон в сумраке снежном,
Черный бархат на смуглых плечах.
Томный голос пением нежным
Мне поет о южных вочах.

В легком сердце — страсть и беспечность.
Словно с моря мне подан знак.
Над бездонным провалом в вечность,
Задыхаясь, летит рысак.

Снежный ветер, твое дыхание,
Опьяненные губы мои
Валентина, звезда, мечтанье!
Как поют твои соловьи...

Страшный мир! Он для сердца тесен!
В нем — твоих поцелуев бред,
Темный морок цыганских песен,
Торопливый полет комет!

Февраль 1910.

И, наконец третье написано по следующему поводу.

В 1910 году, в январе, я устраивала вечер в пользу политических ссыльных. Вечер устраивался на квартире петербургского адвоката С. Эристова. На вечере выступали все лучшие поэты и беллетристы: Блок, Федор Сологуб, М. Кузмин и, между прочим, моя приятельница В. А. Щеголева. (...) Она прочитала стихотворение Вячеслава Иванова «Мэнада». Стихотворение это было посвящено Вячеславом Ивановым памяти умершей его жены Лидии Дмитриевны Зиновьевой-Аннибал. Валентина Андреевна так хорошо прочитала это скорбное посвящение, что благодарный автор написал ей следующее восьмистишие:

Как жертвы тень с любовью онемелой,
Глядит на жен, с дарами в белый день,
Одеть идущих горестное тело,—
Так я внимал, далек и умилен,

Моих молитв страдальческому звуку
Из огненных, из горьких уст твоих:
Ты все сказала — солнечность и муку
И тишину, и ночь глубин моих...

По окончании вечера Блок пошел провожать Валентину Андреевну. Через несколько дней В. А. вбегает ко мне с письмом в руках, запыхавшаяся и радостно взволнованная:

— Стихи от Блока! Блок посвятил мне стихи! Прислал на дом с посыльным. Я послала ему розы. — Это были три послания...

(Мемуаристка ошибается. Последнее стихотворение Блока из «Трех посланий» было написано 18 ноября 1910 г., а отправлено В. А. Щеголевой с посыльным 21 декабря 1910 г. 22 декабря В. А. Щеголева писала Блоку: «Так испугана Вашими стихами и взволнована...» — ЦГАЛИ, ф. 55, оп. 1, № 474. — *Е. Л., С. Г.*)

...В. А. была совсем некрасива лицом, но очень женственна и грациозна, имела приятный голос. Когда она волновалась, речь ее была порывистой и почти бессвязной. В третьем послании строчки «эти дикие слабые руки» и «бормотаний твоих жемчуга» прекрасно передавали ее манеру выражать свои чувства.

(Мемуаристка говорит о последней строфе «Третьего послания» Блока:

И, готовый на новые муки,
Вспоминаю те вьюги, снега,
Твои дикие слабые руки,
Бормотаний твоих жемчуга. — *Е. Л., С. Г.*)

Она была совершенно пленена Блоком, его поэзией, его обликом. Она рассказывала мне, что Блок много говорил ей о себе, связывал свою судьбу с судьбой России». (Из воспоминаний Н. Г. Чулковой цитировались страницы: 81—83, 256).

В недавно полученных Рукописным отделом ИРЛИ дополнительных материалах к фонду П. Е. Щеголева (ф. 627) обнаружился ряд интереснейших документов, рассказывающих о взаимоотношениях Блока и В. А. Щеголевой, дополняющих воспоминания Н. Г. Чулковой. Это:

1. Дневниковая запись В. А. Щеголевой от 21.IV.1908 (о катании на лодке вместе с Блоком).

2. Черновик письма В. А. Щеголевой к Блоку (о предположительной датировке см. ниже).

3. Автобиографическая заметка В. А. Щеголевой «Все вечности жерлом пожрется» (рассказ о маскарade у Ф. К. Сологуба 3 января 1909 г.).

В 1915—1916 гг. В. А. Щеголева вела дневник, названный ею «Год войны и бедствий» (ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, № 40), несколько страниц дневника посвящены Блоку.

Вниманию читателей «Литературного наследства» предлагаются все эти документы.

«Апрель 21. Случайно совершенно попала с Блоком 8-го на острова, ушли утром в 4 часа от Федора Кузьмича. Блок все время смотрел на меня смеющимися глазами и, проводив до дому, вдруг сказал молящим голосом: «Поедемте на острова, очень прошу вас». Ослепительное утро, Летний сад, весь одетый желто-зеленым пухом, черные упругие стволы деревьев. Я согласилась. Этот человек так жадно и глубоко впитывает жизнь, и он так не похож на других. С ним страшно, он слишком притягивает к себе. И жизнь его такая странная. Прелестная жена — и вдруг Волохова, и он точно сомнамбула или лунатик на краю крыши шестизэтажного дома идет под этими внезапными лунными чарами Волоховой и ничего и никого не видит вокруг себя. Что наговорил ему обо мне Чулков? А Любовь Дмитриевна и ее роман с Чулковым, неужто она действительно увлеклась им серьезно. Нет, не может быть, променять Блока на Георгия... Это она из самолюбия, из гордости пустилась в такую авантюру. Георгий не сумел спастись от ее наступления и мучился глупо¹. Вот какая страшная штука. И от всего этого больно. И мои все дела тоже пронизаны такой болью. Эта поездка на острова и потом в Ботанический сад и поведение Блока. Зачем я ему? Он так жадно и страстно меня целовал, точно голодный... Я боролась, я сердилась, возмущалась и смеялась в конце концов. Что спросить с этого умного очаровательного человека. Только бы мне не влюбиться в него, вот была бы штука. Нет, этого не будет. Я слишком самолюбива для легкой забавы, слишком требовательна. Но все-таки это утро на взморье, голубой шелк моря, лодка и мягкая рука на веслах. И ему и мне было очень весело. Весна — волшебница.

А<ЛЕКСАНД>РУ Б<ЛОК>У

<до 24 мая 1908 г.>²

Моя любовь сильна и прекрасна, моя любовь не требует жертв. Она сама вся жертва, вся восторг, вся приношение. Но именно потому-то я и не отдала тебе мое тело, мое земное прекрасное тело, что люблю тебя высшей, не знающей конца, не видящей начала вечной любовью. Смотришь на тебя, знать, что ты существуешь, видеть тебя... умереть за тебя. Поцелуй твои, ласки твои горячие — это радость неизъяснимая, прекрасный цветок. Аромат его мгновенен, прильнуть к нему и уйти, неся в сердце сладостную печаль и томление. И вечно гореть думой о тебе, и благословлять дом, в котором ты живешь, и землю, по которой ты ходишь (ступаешь). Знать, что ты любишь другую³, — страшно режущим терзанием разрывается сердце, но все же любить тебя ликуя и страстно горя! Такая любовь не пройдет, ее не сравняет житейская тина повседневного однообразия. Ты отражен в моем сердце так, как оно тебя приняло и таким оно тебе молится и в те короткие, но полные неведшей радости и восторга минуты, каким оно тебя узнало, сохранит тебя навеки.

ВСЕ ВЕЧНОСТИ ЖЕРЛОМ ПОЖРЕТСЯ

...И еще был вечер. Костюмированный у Сологуба⁴. Я приехала по настоянию Ф. К. и Насти⁵. Они все старались отвлечь меня от скорбей и забот, опять обрушившихся на мою голову⁶. Все, кроме меня, были в костюмах (мне не до костюма было). Я вошла, не узнала хозяина, да и нельзя было узнать. По столовой мерно прохаживался почтенный римлянин, бритый, с мягко очерченным рисунком рта, в рубашке до колен, с перекинутым через плечо лиловым плащом, с котурнами на ногах. — Кто это? — спросила я кого-то из гостей. — Не знаю, — ответили мне. Я прошла мимо него к Насте, и поднялся крик, почему я не в костюме. — Вы будете грузинкой, платье подходящее, совершенно гладкое, темно-лиловое суконное платье с вырезом каре на груди. — На голову сейчас накинула длинную белую вуаль или газ, она спадала до полу. — И не смейте грустить, надо веселиться, — прибавила Настя, целуя меня. Настроение подымалось в шуме говора. Приезжали новые маски в костюмах и дамы почти все в масках, но я вышла в столовую. Незнакомый римлянин вдруг очень знакомым голосом сказал: «Здравствуйте, В<алентина> А<ндреевна>». Я вежливо ответила, не узнав. — Неужели не узнаете? — Мне было неловко, где-то я встречала этого человека, но где не могу вспомнить. И вдруг услышала мелкий рассыпчатый хохот. Это был Ф<едор> К<узьмич>. Действительно, я не припомню, чтобы сбритые усы и борода до такой степени преобразить мужское лицо. Оно совершенно изменило свое содержание, сделалось мягче, приветливее и моложе. Началась обычная маскарадная канитель. Я была без маски, передо мной вдруг стали 3 черных домино в глубоком молчании. — Это вы? спросила я, взяла руки одного, другого, третьего, опять руки второго, я узнала эти руки. Это был Блок, второй был Чулков. Узнав Блока, но не сказав об этом, я как обожженная бросилась в другую комнату. Кровь прихлынула у меня к сердцу, но маски пришли за мной и опять молча стали подле меня. Это продолжалось до половины вечера, наконец я не выдержала и сказала, что насильно сниму с него капюшон. И он со страшной силой схватил меня за руки и тихо сказал: «Я сам сниму». Запотевшее, красное от маски и жары лицо, чуть прилипшие на лбу завитки волос и милая улыбка. Это был Блок. Я поздоровалась, он поцеловал мне руку. Атмосфера вечера захватила его, он был очень весел, дурил, надевал мою фату и вдруг исчез.

Все потускнело вокруг. Я села в уголок к Ф. К. и подумала вслух о том, что мне надо ехать домой в Любань, а послезавтра в тюрьму, на свидание к П<авлу> Е<лисеевичу>. — Нет, мы вас не отпустим, — сказал Ф. К., — вы будете у нас ночевать. Это решено! — Он очень ласково взял меня под руку. — Пойдемте, я прочту вам мои новые стихи. Я покорно встала, мы

подошли к дверям кабинета. У письменного стола сидел Александр Александрович и, склонившись, быстро писал. Кончились танцы, Настя подбежала к нам. — Идите читать стихи, где Блок? — Я не буду читать, — сказала я, — поймите, я не могу. — Глупости, глупости, оттого, что вы будете кинуть, ничего не изменится. Идемте, Ф. К. — Блок все писал. Мы повернули в зал. Вдруг я слышу тихий голос: «Валентина Андреевна», я обернулась, он протягивал мне сложенный в четверть листок бумаги.

Я развернула и прочла «Все помнит о весле вздыхающем мое блаженное плечо». Свернула его и с волнением спрятала у себя на груди за корсет, посмотрев на него долгим взглядом и не сказав ни слова. Милый, милый, — подумала я, — не забыл. В голове не было мыслей. Логика, время, тюрьма, все куда-то уплыло, утонуло, этот листочек скромного, милого стихотворения лежал у меня на сердце и отрывал от действительности и превращал этот неумный суетливый вечер в сказку. Я почувствовала с этим листком, что у меня выросли крылья, и что этот вечер единственный, может быть, на серых буднях моей суровой жизни, когда я вдохну глоток воздуха того,

который мне нужен. Нельзя и не нужно ни о чем думать, все пройдет, все изменится, все забудется. Мной овладело какое-то лихорадочное состояние. Я сделала до сумасшествия весела, читала, плясала. Настя лукаво поглядывала на меня и шептала на ухо: «Отчего такая перемена, отчего? Понимаю!» Я отсмеивалась, о послании никто не знал и никто никогда его не читал, пока оно не было напечатано⁷. Пригласили к ужину. Блок сел рядом со мной, но с другой стороны сел Чулков. Мое волнение, видимо, передалось Блоку, он почти не владел собой. Я спокойным голосом предлагала ему вина, в то время как мои глаза боялись заглянуть в глубину его глаз, и в сердце вдруг заползла какая-то нестерпимо терпкая тоска. В глазах его я видела зверя. Чулков все время наблюдал за нами как гувернер. Блок вдруг, задыхаясь, шепнул мне на ухо: «Умоляю вас, умоляю, пойдите в кабинет Ф. К. Я должен, я должен вам сказать несколько слов». Я, как загипнотизированная, поднялась со своего стула и, шатаясь, прошла в кабинет. Блок шел за мной. Я обернулась, мне сделалось страшно и не успела опомниться, как была сжата сильными объятиями и к моим губам прильнули горячие сумасшедшие губы, в промежутке я только успела шепнуть: «Оставьте, оставьте, оставьте меня». В дверях, как статуя командора, стоял Чулков. — Александр Александрович, Валентина Андреевна, — настойчиво повторял он. Это было ужасно.

— Я поеду провожать вас. — Я остаюсь здесь. — Нет, вы должны, я прошу вас, ну я прошу вас. — Нельзя мне, нельзя, — говорила я и чувствовала, что почва ускользает из-под ног и что со мной будет, один бог знает. Такова была власть и обаяние этого человека.

В. А. ШЕГОЛЕВА

Фотография. 1917 (?)

Центральный архив литературы и искусства,
Москва

Стоял гам, кто-то чокался со мной, голова кружилась.

Под утро я взяла свой чемоданчик из комнаты Насти.

— Ты куда? — спросила она.

— Домой!

— Почему?

— Уже утро, есть поезда, мне надо быть дома. — Она пристально посмотрела на меня. — Я вас не пущу, я вас ли за что не пущу, — сказала она очень строго и сурово. Но я все же взяла свой маленький саквояж и вышла в прихожую. У двери стоял одетый Блок. Ф. К. и Настя вышли нас провожать. И здесь произошла глубоко тягостная сцена.

— Вы едете вместе? — спросил Федор Кузьмич.

— Да, я провожаю Валентину Андреевну.

— Этого не следует делать. Валентина Андреевна, останьтесь. — Я молчала беспомощно.

— Нет, Валентина Андреевна поедет, — упорно говорил Блок. Ф. К метался от него ко мне, всячески убеждал, наконец он не выдержал и выставил самый страшный аргумент.

— Александр Александрович, подумайте о Любви Дмитриевне, она беременна, Валентина Андреевна, подумайте о Павле Елисеевиче.

Милый, добрый Кузьмич, но и смешной. Краска залила мои щеки, но я знала, что изменить ничего нельзя. Настя, злобно посмотрев на меня, ушла. Боже мой, как они были правы и как неправы в то же время. Я вдруг почувствовала страшное унижение и, м<ожет> б<ыть>, если бы не были представлены эти аргументы, я и осталась бы, но глаза Блока так властно смотрели на меня, что отступление было отрезано. Любовь Дмитриевна, Павел Елисеевич — это все совсем, совсем другое и нельзя было, нельзя было поминать их имена на этом маскараде в это тяжелое бесснежное пепельное утро. Все погибло. Когда я села на извозчика, ко мне потянулись нити разума, реальности и слова Сологуба, точно удар кнута по совести, сорвали прекрасную радугу. Мы молча доехали до Финляндского вокзала и я начала просить Александра Александровича отвезти меня к моей приятельнице на Саперный. Вся радость была смята. Помню, что я твердила: «Не думайте обо мне плохо». Над моим весельем и стихийной радостью совершили насилие. Мне было гадко. Блок тяготил меня. Только бы доехать и не видеть этих глаз, и не ощущать этого унижения. Все было растерзано благоразумными словами Федора Кузьмича. Приехав домой, я запрятала стихотворение и боялась, боялась вспомнить об этом кошмарном унижительном зимнем утре. Как оно было далеко от того, которому были посвящены милые незатейливые строки, когда ничто не нарушало гармонии, цвели тюльпаны на Каменном острове, сверкала желтым золотом серебряная гладь взморья и не нужно было ни о ком и ни о чем думать, никто не читал правоучений. И я решила. Больше я не увижу этого человека! Что прозрел Сологуб в тяжелых глазах Блока и почему он так не хотел, чтобы мы ехали вместе? Сологуб все-таки, в конце концов, был дисциплинированный педагог, сам он проморгал свою молодость или, вернее, она не далась ему. Или нет, здесь сыграли роль 2 трагических положения, по существу в корне отнюдь не так звучавших, как они звучали и оценивались Федором Кузьмичем. Зная предшествовавшие события беременности Любви Дмитриевны и пережив расход с Павлом Елисеевичем, я перед этими обоими событиями не была ответственна. Но ведь это знала я и больше никто, банально, все это носило иную расценку и на душе у меня была мелкая копоть.

ИЗ ДНЕВНИКА В. А. ШЕГОЛЕВОЙ

20 января 1915

Я пою, я пою все утро. Я видела [Блока]. Весь вечер вчера, всю ночь и все утро сегодня сердце бьется, растревоженное, счастливое. Как мучает меня этот великий человек сам не зная того.

Читал стихи. Он [великий] поэт. После Пушкина, он единственный. Три вечера, три послания. Конечно он не вспомнил вчера ни о чем... а может быть... Я все-таки вела себя спокойно, волновалась безумно, но глаза у меня были тихи, хотя я и смотрела на него украдкой (л. 9 — об) все время. А хотелось мне подойти к нему и сказать ему 3 слова. И Добр⁸. пел(а) много и по просьбе Б(лока) спел(а) «Уймитесь волнения страсти». Наст(я) все хотела, чтобы я спела цыганские романсы: «А(лександр) А(лександрович) сказал, что не уйдет, если будут петь цыганские романсы», — сказала она; он указал на эти: «Не уходи, побудь со мною». — Я ненавижу цыганские романсы, — ответила я, чтобы он слышал. И правда цыганские романсы отвратительны. Но для него я бы пела, если бы от волнения у меня не пропал голос.

Леонид Николаевич Андреев мне очень понравился, он милый, простой, с ним легко. Придет к нам в следующий приезд. И жена у него славная и красивая⁹. А каковы они ближе увидим (л. 10).

Хорошо! А дальше что?..

«Жизнью ты мне заплатишь за любовь»¹⁰.

«Явление Карменситы»¹¹.

Нет. Довольно.

Безумная голова, конечно, не раз еще будет затуманена. Никакие законы времени ей не писаны. Ну да ладно! <...>¹² (л. 10 — об.).

16 апреля

<...> Блок пьет. Мережковск(ие) все хотят его заручить к себе. «Я нахожу, что Блок сказал все и что теперь его творчество идет на убыль». Слова Надежды Григорьевны¹³. О Пушкине тоже говорили, что он кончен, а после этого он написал свои величайшие произведения. Блок единственный современный поэт — настоящий. Единственный! (л. 38). И сказать, что он идет на убыль нет никакого основания.

Дельмас, видимо, уже прочтенная страница. В фантазии поэта она была, конечно, больше и ярче, чем в действительности, поэтому он и прочел ее всю. Блок и Дельмас несоизмеримы. Он поднял ее до себя, удержится ли она? А, может быть, все это от других причин. Не нам судить. А сердце болит. (л. 38 — об.).

19 апреля¹⁴

Вчера в Тенишевском зале состоялся 3-й за этот сезон Вечер петроградских поэтов на этот раз в пользу 11-го лазарета для раненых воинов. Принимали участие (недавно посвященные в поэты молодые люди) Ауслендер, Городецкий, краса русской поэзии А. А. Блок, Тэффи, Слезкин, О. А. Глебова, Семенова и другие. Горячо и радостно приветствовала публика А. А. Блока, проникновенно, с присущим ему благородством читающего свои превосходные стихи (40 — об.). <...> Почтили также память безвременно погибшего композитора Скрябина¹⁵. Вечер привлек многочисленную публику (л. 41).

Сохранилось восемь писем Блока В. А. Щеголевой (1908—1911).

Первое — 30 апреля 1908 г. Он приглашает ее на чтение драмы «Песня Судьбы» к Г. А. Чулкову 4 мая. (См.: А. Б л о к. Переписка. Аннотированный каталог. Вып. 1, с. 406).

Второе письмо — 24 мая 1908 г. (см. прим. 2).

Три письма Блока датируются приблизительно: (1910, осень—зима). Очевидно 1910 год стал некоей кульминацией отношений между Блоком и В. А. Щеголевой. Итог — интереснейшее (но, к сожалению, не полностью сохранившееся) письмо Блока 28—29 января 1911 г.: «Ничего не знаю. Я думаю о Вас давно. Я давно кружу около Вашего дома. Теперь — второй час ночи. К Вам — нельзя. Сейчас я хотел идти к Вам и сказать Вам: сегодня — все, что осталось от моей молодости — Ваше. И НЕ ИДУ. Но услышьте, услышьте меня — сейчас» (VIII, 328).

Записи о Щеголевой в дневниках Блока немногочисленны и немногословны. Наиболее развернутая — 20 марта 1913 г. «(...) Брожу, купил книги; (...). Возвращаюсь домой — весна. — привносят букет: розы, левкой, нарциссы, сирень. Записка без подписи: «Милому поэту, 19 марта 1913 г.» Сильные и знакомые духи. Тут же начинаю рыться в письмах — пишем В. А. Щеголевой нет. — Странно. (...) В 10-м часу еду на Петербургскую и посылаю букет В. А. Щеголевой. Брожу — и по Широкой (как иногда (...)) (Широкая — улица на которой жили Щеголевы).

Валентина Андреевна до конца своих дней сохранила глубокую привязанность к Блоку и очень тяжело переживала его смерть. В письме Н. Г. Чулковой от 7 февраля 1922 г. она, в частности, отмечает: «(...) С осени этого года опять начались беды, я приехала из Новгорода 5-го, а 7-го умер Александр Александрович Блок. Умер! Я видела его мертвым!!! В какой праздничный, залитый солнцем день хоронили его. (...) Вообще без отчаяния думать о смерти Блока нельзя. Может быть, вы помните, я когда-то говорила вам: Блок — оправдание нашего времени, но не этого, а «нашего» прошедшего» (ГБЛ, ф. 371, к. 6, № 4).

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ О взаимоотношениях Л. Д. Блок с Г. И. Чулковым Блок упоминает в дневнике 1912 г. (VII, 170).

² Предположительно письмо можно датировать именно так, поскольку сохранилось письмо Блока от 24 мая 1908 г., которое можно квалифицировать как ответ именно на это письмо В. А. Щеголевой: «Простите меня, ради бога, многоуважаемая Валентина Андреевна. Если бы Вы знали, как я Н Е М О Г У сейчас, главное — внутренне не могу: так сложно и важно на душе. Сегодня получил Ваше письмо и думал; но — не могу, право, поверьте. И еще — я должно быть, уеду, на той неделе в деревню. Не сердитесь на меня, пожалуйста. Целую Ваши руки. Я хотел писать Вам совсем не о том. Преданный Вам Александр Блок». (VIII, 242).

Текст письма В. А. Щеголевой печатается по черновому автографу. В архиве Блока ее письма не сохранились, так как «незадолго до смерти (...) Блок предал уничтожению письма от целого ряда своих корреспондентов. (...) в числе прочих были уничтожены (целностью или частично) письма К. М. Садовской, Н. Н. Волоховой, В. А. Щеголевой, Н. Н. Скворцовой (...)». («А. Блок. Переписка. Аннотированный каталог». Вып. 1, с. 17).

³ Н. Н. Волохова.

⁴ Маскарад у Ф. К. Сологуба состоялся 3 января 1909 г. У Блока есть запись об этом (ЗК, 128).

⁵ А. Н. Чеботаревская (1876—1921) — жена Ф. К. Сологуба, писательница.

⁶ В октябре 1907 г. был закрыт журнал «Былое», одним из редакторов которого был П. Е. Щеголев. Его привлекли к суду и 28 октября выслали из Петербурга. Щеголевы жили в Сестрорецке, Юрьеве, осенью 1908 г. они переехали в с. Любань Новгородской губ.; в начале 1909 г. П. Е. Щеголев находился в следственной тюрьме. 13 января 1909 г. состоялось слушание дела о журнале «Былое» в Петербургской судебной палате. По приговору Судебной палаты Щеголев подвергся заключению в тюрьму «Кресты» сроком на 3 года. Из тюрьмы он вышел в мае 1911 г. (ИМЛИ, ф. 28, оп. 1, № 2, лл. 2—3).

⁷ Это стихотворение датировано Блоком 28 мая 1908 г. Впервые напечатано в журнале «Золотое руно», 1908, № 11-12 под заголовком «Белая ночь».

Спустя несколько дней Сологубы вновь пригласили Блока для участия в маскараде (в роли Юного поэта в пьесе Ф. Сологуба «Ночные пляски»). Блок ответил отказом: «(...) Вы думаете, что у меня нет искушения опять поддаться Маскараду? Преодолеть его гораздо труднее. В Маскараде — большой квинтизм и *laissez faire**, когда Маскарад временный. Странно играть масками и подмостками. Можно пойти на такую игру, только зная с уверенностью, что после нее уже не проснешься (...)».

⁸ Лицо не установлено.

⁹ А. И. Андреева (1885—1948) — вторая жена Л. Н. Андреева.

¹⁰ Неточная цитата из стихотворения Блока цикла «Кармен»: «А голос пел: Ценою жизни ты мне заплатишь за любовь».

¹¹ Л. Д. Андреева-Дельмас.

¹² В записной книжке от 20 января 1915 г. Блок отметил: «(...) Я у Сологуба до 6 ч. утра (Л. Андреев, Петров-Водкин, Берновский, Тиняков, Щеголевы)» (ЗК, 254).

¹³ Н. Г. Чулкова.

¹⁴ Датруется по записной книжке Блока 1915 г.: «18 апреля (...) Вечер петроградских поэтов в Тенишевском зале... Я читал, отвезенный на автомобиле. Успех». (ЗК, 261).

¹⁵ А. Н. Скрябин умер 14 апреля (ст. стиля) 1915 г.

* Непротивление (*франц.*)